

УДК 821.161.1
ББК 83

DOI: 10.31862/1819-463X-2020-6-11-19

КАРТИНА МИРА В РОМАНАХ Ш. ИДИАТУЛЛИНА «ГОРОД БРЕЖНЕВ» И «БЫВШАЯ ЛЕНИНА»

Т. М. Колядич

Аннотация. *Автором ставятся цели прояснить особенности отражения действительности в романах Ш. Идиатуллина «Город Брежнев» и «Бывшая Ленина». В ходе контекстного анализа выявляются особенности создания картины мира определенного времени с помощью авторского описания, внутренней речи героев, монологов, диалогов как главных характерологических средств; ключевых слов, речевых сигналов. Автор приходит к выводам, что картина мира отражается четко и конкретно, временные детали доминируют, наблюдается контаминация элементов разных жанров (использованы компоненты школьной повести, «женского романа», журналистского расследования, очерка). Результаты могут быть использованы при дальнейшей разработке типологии романа, выявлении тенденций развития современного литературного процесса; введены в качестве основы анализа при изучении творчества конкретного автора. Используются основные методы – типологический, сравнительно-исторический, компаративный.*

Ключевые слова: картина мира, особенности повествования, современная литература, герой, речевые сигналы, жанр, Ш. Идиатуллин.

PICTURE OF THE WORLD IN SH. IDIATULLIN'S NOVELS „BREZHNEV CITY” AND „FORMER LENIN STREET”

Т. М. Kolyadich

Abstract. *The author aims to clarify the features of the reflection of reality in the novels by Sh. Idiatullin „Brezhnev City” and „The Former Lenin street”. The context analysis reveals the peculiarities of creating a picture of the world of a certain time with the help of the author’s description, inner speech of heroes, monologues, dialogues as the main characterological means, key words, speech signals... The author comes to the conclusion that the picture of the world is reflected clearly and specifically, time details dominate, there is contamination of elements of different genres (used components of the school story, „women’s*

© Колядич Т. М., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

novel”, journalistic investigation, essay). The results can be used for further development of the novel’s typology, identification of trends in the modern literary process; introduced as a basis for analysis when studying the work of a particular author. The main methods used are typological, comparative-historical, and comparative.

Keywords: *world picture, narrative features, modern literature, hero, speech signals, genre, Sh. Idiattullin.*

Изучение особенностей отношений определенного времени происходит не только с помощью исторических исследований, но и воспоминаний и романов. В них в образной форме воссоздаются особенности быта, связей, взглядов, поведения. Для читателя они становятся своеобразным учебником жизни, поскольку авторы выводят свою философию бытия. Если это действительно происходит указанным образом, то выстраиваемая модель суждений нуждается в подробном и обстоятельном описании.

Методологической основой статьи стали исследования, посвященные понятиям «художественный мир», «картина мира». Термин «картина мира» впервые ввел Л. Витгенштейн в «Логико-философском трактате» (1921), в антропологии и семиотике основывались на трудах Л. Вайсгерберга. В отечественной культуре «национальная картина мира» подробно описана в трудах Г. Гачева [1, с. 6].

В качестве методологического инструментария также привлечены исследования картины мира А. Вежбицкой [2], Ю. М. Лотмана [3], В. А. Лукова [4], М. В. Осориной [5; 6], Ю. С. Степанова [7], М. П. Чередниковой [8], посвященные изучению субкультуры. Нами также учтены исследования, посвященные современной литературе, А. Татаринова [9], М. Черняк [10], Я. Солдаткиной [11].

Соединение инструментария из сопредельных областей (философии, культурологии) и современного литературоведения (семиотики) позволяет прояснить своеобразие отражения действительности в произведениях XXI в., отличающихся использованием приемов смежных искусств (монтажные, визуальные, сценические практики). Цель

статьи направлена на установление принципов описания, чтобы определить типологическую парадигму подобных текстов.

Исследователи справедливо замечают, что картина мира в каждой конкретной эстетической системе отличается своими особенностями. Она формируется «в процессе художественной коммуникации через посредство образа или комплекса взаимодействующих образов» [12].

Выскажем свою точку зрения, нам представляется, что точнее следует говорить о «национальной картине мира», отличающейся устойчивыми компонентами, которые А. Вежбицкая называет концептами [2]. Подробная классификация понятия, обозначающего как «константы», рассматривается Ю. С. Степановым [7]. В подобной системе структура образов и мотивная организация являются равнозначными сюжетообразующими компонентами, из которых и образуется художественное пространство произведений. Похожей точки зрения придерживается и В. А. Луков: «Картина мира – это система культурных констант тезауруса» [4; 13].

Актуальность статьи заключается в том, что устанавливается своеобразие создания картины мира на основе писательских интенций одного из активных участников современного литературного процесса, Ш. Идиатуллина, чьи произведения постоянно обсуждаются критиками и читателями, поскольку в своих романах он ставит острые и неоднозначные проблемы, предлагая свое восприятие реальности определенного времени [14]. Однако в исследовательской литературе авторские намерения пока не нашли полного осмысления и описания. В этом заключается новизна статьи.

Основная проблематика произведений Ш. Идиатуллина связана с изображением мира ребенка, подростка и юноши. О своих намерениях в связи с публикацией романа «Город Брежнев» (2018) автор сообщает: «По собственному признанию, долго ждал, когда кто-нибудь напишет книгу о советском детстве на переломном этапе: “про андроповское закручивание гаек, талоны на масло, гопничьи ‘моталки’, ленинский зачет, перефотканные конверты западных пластинок, первую любовь, бритые головы, нунчаки в руке...” А потом понял, что ждать можно бесконечно, – и написал книгу сам» [15, с. 5].

Автор практически обозначил фабулу своей книги, в которой главным героем является мальчик Артур. В романе «Город Брежнев» (2017) Ш. Идиатуллин продолжает рассматривать темы детства и становления сознания, являвшиеся объектом описания в повестях «Убыр» (2012) и «Убыр. Никто не умрет» (2013). Именно с публикаций данных произведений началась известность писателя.

Ш. Идиатуллин определяет и жанровое своеобразие «Города Брежнева»: «по сути это исторический роман, “неглубокое ретро”. Продолжая мысль автора, отметим, что речь идет о событиях недавнего прошлого, середины восьмидесятых годов, когда происходит смена поколенческой стратегии и субкультуры, что и превращает описываемое в факт истории. Автор последовательно и обстоятельно воссоздает мир подростка, используя жанровую модель «школьной повести», характеризующуюся особой системой персонажей, типом конфликта, своеобразной пространственно-временной и сюжетно-композиционной организацией [16].

Конструктивные элементы жанра школьной повести соединяются с другими романскими особенностями. Поскольку повествование ведется от лица героя, используется и сюжетная схема воспоминаний. Одновременно вводятся элементы модели журналистского расследования. Столь сложное жанровое образование позволяет создать особую картину миру.

Остановимся на обозначенных особенностях подробнее. Прежде всего, отметим приемы, позволяющие вывести хронотоп произведения и структуру образа. Исследователь справедливо замечает: «Мир произведения... возможный мир, содержащий в себе особую форму условности» проявляется в реалистическом романе «с подробно выписанными характерами и историческими обстоятельствами» [8, с. 249].

В нашем случае детально прописывается окружение героя, та среда, в которой ему приходится существовать и, в соответствии с временными обстоятельствами, выживать. М. И. Чередникова обозначает явление как «замкнутое детское сообщество», которое объединяется внешне по месту пребывания, общения [9, с. 60].

Первым местом пребывания героя становится лагерь, в самом начале повествования дается подробная характеристика разных видов подобных учреждений и отмечаются основные занятия («война» за право слушать свою музыку, физкультурные упражнения, дискотеки) (перечисленным событиям посвящена первая часть романа).

Возвращаясь в город, герой попадает в иную среду, родители получают новую квартиру, он переходит в другую школу, где у него завязываются новые непростые отношения. «Чего там, я понял по дороге. И даже малость обозлился, что пацаны сперва меня не учитывали». Автором вводится антитеза – «свой» – «чужой», «тот» – «другой»: «обошлись без меня, шикарно обошлись», «я усек наконец, что у пацанов уже свои дела, в которые меня, кента из чужого комплекса, посвящать не слишком интересно» [15, с. 60]. Лексика временного свойства – «кент».

Ш. Идиатуллин последовательно отражается подростковая культура со своими законами и установками, ведется разговор о правилах поведения. Свообразным критерием становится слушанье «правильной музыки»: «А дальше как в игре в палки: сержант помнит наизусть полтора десятка названий групп, играющих тяжелую музыку, лейтенант умеет рисовать названия этих групп хищными буквами и без ошибок»

[15, с. 232–233]. Обладание «мафоном» (автором вводится временная деталь) становится мечтой.

Автор обращает внимание и на правила ношения определенной одежды. Герой замечает: «– Ну правильно, это второй комплект, они в красных с помпонами ходят, кресты, на, больше никаких одинаковых не оставалось, на ГЭС в «Спорттовары» ездили, вот и борзуют, чтобы не ржали над ними» [15, с. 235].

Оценка дается не только подростками, но и взрослыми: «Вазых сперва решил, что это приبلудные стройбатовцы, – они были одинаково одеты в телогрейки защитного цвета и просторные темные штаны, кажется, из бабкиного драпа. Потом разглядел сине-белые “петушки” и понял, что у солдатиков на шапках не может быть написано “Ski”, как, впрочем, и любого другого нерусского слова» [15, с. 245].

Введение в авторскую речь разговорной лексики, уменьшительно-ласкательных суффиксов свидетельствует о появлении несобственно-прямой речи и внутренних монологов героя. Разные точки зрения позволяют создать объемную картину мира.

Одежда становится отличительным признаком и одновременно частью характеристики личности. Общество создает свои клички, игры, истории (происходит внутреннее объединение элементов субкультуры), языковые особенности. Одновременно обозначается и время действия. Атрибутивные признаки среды постоянно проясняются и уточняются (таково отношение к «теляге», телогрейке). Ношение ватника, необходимого для защиты, является знаковым для того мира, в котором оказывается герой.

Другое объяснение происходящего следует в диалоге между учителем физкультуры и завучем: «короткая стрижка – это то же самое, что широкие штаны, олимпийки и кулаки с мозолями? Это, Зинаида

Ефимовна, чтобы, как они говорят, махаться удобнее было. Драться, значит. Всерьез, не как в кино каком-нибудь» [15, с. 158].

Описание игр соответствует стилистике картины мира, упоминаются «квадрат», палки. «Их там шобла целая, чертей семь, все с палками, а один еще ножом махал, мелкий такой, сучонок, ладно хоть не пырнул» [15, с. 180].

В играх обозначаются разные миры, оценка дается героиней: «времена были другие», «попроще и победнее». «Идиотские игры» с другими пацанами проходят на фоне строек «с залитыми водой глинистыми котлованами, с торчащей арматурой, с черными катакомбами нижних этажей и вскрытыми лестницами верхотуры» [15, с. 190].

Но именно в строящихся комплексах новопограды складывается сообщество со своей мифологией, в «длиннющем доме шесть ноль-один находится» – таинственный «Ташкент». В авторском описании находим пояснение: «Ташкентом» называлась лестничная площадка на девятом, верхнем этаже шестого подъезда «сороконожки» шесть-ноль-один. «Названием “Ташкент” обязан салабону, который, попав сюда впервые после двухчасовой гонки промеж сугробов за пластилиновой шайбой, блаженно выдохнул: “Бля, теплынь, Ташкент прямо”. К тому времени площадка была почти постоянным штабиком для местных, и не только местных» [15, с. 210]. Картина мира героя обозначается соответствующей лексикой («салабон», «сороконожка», «бля»).

При воссоздании мира детства мы встречаемся с целым рядом устойчивых образов-мифологем¹. Мифологема «дом», объединяющая определенный круг понятий, не только обозначает реальный объект, некое культурное пространство, но и становится воплощением широкого круга философско-нравственных умозаключений автора. Она выступает как центр, вокруг которого создается внутреннее текстовое

¹ Нами использована терминология словаря «Восточно-славянский фольклор», где мифологема определяется как «единица мифологической системы, имеющая самостоятельную семантику» (Минск: Наука и техника, 1993. С. 155).

пространство произведения. Значимыми оказываются отдельные составляющие – «комната», «магазин», «двор» «школа, «памятник», «автобус».

При этом движение повествования направлено изнутри во внешнюю среду. Поэтому характеризуется не жилище героя, а места проживания других персонажей. Когда Артур оказывается в доме влюбленной в него девочки, то замечает: «ничего – ни люстры, ни “стенки” с хрусталем, ни ковров, ни чеканки на стенках, ни даже телевизора» [15, с. 197]. Антитеза становится основным приемом, позволяющим выстроить отношения героев на оппозиции «тот – другой». В конце повествования отношения меняются, герои сближаются после болезни героя, одновременно в соответствии с жанровой парадигмой «школьной повести» происходит взросление персонажа.

Чувство инаковости возникает также во время визита к сверстнику: «В детской коробок было поменьше, а мебели побольше – кушетка, маленький столик с табуреткой, телефонный аппарат на полу и импортный, наверное японский, кассетный магнитофон на стопках книг и кассет. И плакаты на стенах, блестящие и страшные, с патлатыми гитаристами в непристойных позах и с огненными языкастыми буквами поперек» [15, с. 360]. Автор сосредотачивается на мелочах, свойственных детскому восприятию, таким образом отражается его восприятие мира. Подробности становятся временной деталью. Поскольку повествование ведется от лица персонажа, главным становится не авторская, а психологическая характеристика в виде реакции на события. Все привычно в этом мире, спокойно и обыденно. И все рушится после совершенного преступления.

Оценка увиденного героем обычно дается другими персонажами, родителями и сверстниками. Та же типовая квартира, похожая на ту, в которой живут Вафины и где они побывали в гостях, кажется матери героя неприбранной, «бардак людям показывают», привлекает только «обалденно стильное покрывало» [15, с. 197]. Для жен-

щины важен ее мир, она устраивает его постепенно, нарушения вызывают чувства отторжения. Оценка проявляется в ситуативном нарративе и через разговорную лексику («обалденно», «везунчик»); наречие «вообще» выполняет функцию установочного (коннотационного) свойства.

В описаниях особое значение приобретает указание на границу. «Главное – что тут он, под боком, из окна не увидишь, так со второго крика выдернешь, чтоб встал, как лист перед травой. И сразу на душе спокойней». В прошлом отношения складывались непросто – пришлось сына выпустить «одного, вместе с такими же пацанами с ключами на резинке»; оценка дается следующая – «сама его выпустила в эти идиотские игры, к чужим пацанам» [15, с. 191].

Как отмечает М. В. Осорина, в детском мире особое значение приобретает «край», который «играет роль ключевого элемента в пространственно-символических “картах мира”» [6, с. 18]. В романе Ш. Идиатуллина граница вводится постоянно, позволяя обозначить с помощью контраста отношения основных героев. Выстраивая свою новую жизнь, Марина мечтает о том, какой будет ее будущая комната: «в общагах, в которых ей пришлось жить, посторонняя жизнь лезла в уши, глаза и поры, чем бы ты ни занималась» [15, с. 122]. «Комната придумывалась светлой, с прильнувшей к потолку люстрой, репродукцией Сальвадора Дали на стене... и кучей свободного места» [15, с. 114].

Мечта другого героя об особенном городе рушится: «Надоел ему этот город сквозняков, длиннющих панелек, неработающих лифтов, прикрытых старыми транспарантами, грязи по колено и сугробов по пояс. До визга надоел, оказывается. Здесь не жить хорошо, а на грузовике насквозь проезжать [15, с. 686]. Романтическое мировидение героя резко контрастирует с той реальностью, в которой он оказывается. На антитезе мировосприятий, наивно созерцательного и прагматично жесткого, выстраивается временная картина мира. Устройство города обозначается и героями,

и автором, таким образом создается объемное изображение.

Очевидно, что автору важно показать картину мира разных поколений. Подобное намерение сохраняется и в следующем романе «Бывшая Ленина» (2019). Один мир постоянно связывается с другим, создавая пространственные отношения.

Своя картина мира, определенная среда описывается при воссоздании общества взрослых. В первую группу персонажей входят Лена и ее муж, вступающие в конфликтные отношения из-за предстоящих выборов. Героиня говорит, обращаясь к молодежи, что мир будущего должен менять – иначе у их поколения «не будет ни силы, ни перспективы», «вы должны менять на политику государства... выбирая того главу города, который будет работать в ваших интересах» [17, с. 220]. Разговорный нарратив позволяет выразить точку зрения. Правда, в «идеальной картине мира», которая манит других героев, «глава, конечно, подчиняется», и права на свою точку зрения иметь не будет.

Организация архитектоники (внутренней структуры) происходит и с помощью системы ключевых средств. В рассуждениях Оксаны постоянно повторяется слово «мир», оно становится лейтмотивом поведения героини, позволяя сформировать особое пространство: «Мир велик, паспорт есть, язык есть, два с половиной, молодая, сильная, умелая – не пропаду» [17, с. 53].

Своеобразным средством обозначения картины мира становится другое ключевое слово – «квартира». Оно выводится через топоним, вынесенный в название романа – «Бывшая Ленина», следует оценка – «которую Данил несклоняемо называл бывшая Ленина». Словосочетание «бывшая Ленина» повторится несколько раз, позволит автору обозначить пространство романа. «В квартире на Ленина рядом с входной дверью была небольшая, метр на метр, комнатка без окон. Свекровь переименовала ее в кладовку и хранила соленья-варенья. А Лена вслед за тетей Леной называла комнату темнушкой, держала там несезонную верхнюю одежду...» [17, с. 127].

Иначе представлены рассуждения Оксаны: «бывшая Ленина осталась чужой и чуждой». Оппозиция «тот – другой», «чужой» – «родной» поясняется. «Нельзя считать своим дом, в котором ты даже пол не вымыл, не говоря уже об окнах. Оксане не нравилась ни улица, тихая и уютная, ни подходы к дому, довольно удобные, ни ухоженный двор, ни красиво состарившийся дом, ни, само собой, квартира» [17, с. 326]. Точное и афористичное высказывание относится к плану героини, оно дополняется авторской иронией.

Повторяясь в текстовом пространстве понятия «дом», «улица», «город», расширяют значение «бывшая Ленина». Именно эту квартиру передадут в наследство Саше, дочери главных героев: «А теперь есть квартира, своя собственная, какая-никакая ценность, пусть в центре вонючей дыры» [17, с. 264].

Саша относится ко второй группе персонажей, которую образуют молодые люди, обладающие своей философией: «У Саши сроду не было никакого особенного имущества: ну, одежда, книжки, телефон, ноутбук, сережки вот бабины – и все» [17, с. 264]. Снова авторская речь соединяется с внутренним монологом героя, на что указывает речевой сигнал в виде частицы «ну».

Цифровое поколение определяет свою жизнь определенными ценностями: не обременять себя особыми заботами, жить одним днем, получать от жизни удовольствие, хотя некоторые и стремятся выучиться на определенную профессию: «весь на наворотах и турбонаддуве» [17, с. 261].

«Тебе сильнее все стипендия нужна, что ли? Будет у тебя полторы тыщи, три раза в кафе сходить, из-за этого молодость гробить?» [17, с. 265].

Для героев особое значение приобретает вписанность в коллектив, следует: «быть нормальной, не тупить, ловить возможности» [17, с. 259]. «Просто покатаемся, погуляем. И все за их счет» [17, с. 258].

Сформулировав характеристики культурной картины мира, В. А. Луков показал ее назначение для социального субъекта как его наиболее существенной ориентации

в окружающем мире, наполненным физическими, символическими, виртуальными объектами, соотношенными со смыслами формируемой субъектом конструкции того, что он называет своим миром¹ [4].

Постоянно вводя описания жилищ, автор показывает, что обстановка соответствует образу жизни, где на первый план выдвигаются совместные встречи для мейн хард в трансляции Fight Night, необременительный секс («бойфренд на выходной»), Иммерсированный мир предполагает интерактивную среду, которая заменяют реальность.

«Холостяцкий режим», жизнь в съемных квартирах доминируют: «На кухне жили холодильник, стол и три табурета. Комната была обставлена с той же лапидарностью: кроме электроники – телепанели на полстены, приставок с колонками и пары ноутбуков... Пара костюмов на плечиках висела на вбитом над потолком, чтобы нечаянно не уронить, гвозде» [17, с. 71].

Определительными маркерами поколения становится лексика, герои говорят на своем социальном языке: «супер-пупер-

адидас», «хейтить», «даркнёт», «инвайс» «бубнеж», «синопсис». Автор специально подчеркивает, что точно фиксирует картину мира: «я пишу почти всегда про “здесь и сейчас”» [17, с. 263].

Обобщим сделанные нами наблюдения.

Особенностью идиостиля писателя является четкое обозначение пространства героев, которое составляет их картину мира. Стремясь отразить его, автор использует «комплекс взаимодействующих образов». Конкретное описание превращается в типичное, становясь моделью общества определенного времени. Сказанное подтверждается, прежде всего, выбранными автором названиями произведений. Кроме того, особое значение приобретают вещественные, предметные временные, портретные, топосные детали, становящиеся маркерами текстового поля. Автором используются различные способы описания – авторская речь, несобственно-прямая речь героев, внутренние монологи и диалоги. Картина мира становится объемной и многогранной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гачев Г.* Национальные образы мира. Курс лекций. М.: Academia, 1998. 443 с.
2. *Вежбицкая Л. А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
3. *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. М.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2018. 448 с.
4. *Кузнецова Т. Ф.* Культурная картина мира как ядро тезауруса в концепции Владимира Андреевича Лукова // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 3 (май–июнь). С. 5–16. URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Kuznetsova_Cultural-World-View/ (дата обращения: 17.07.2020).
5. *Осорина М. В.* О стратагемах детской субкультуры // Традиционная культура и мир детства: материалы междунар. науч. конф. «XI Виноградовские чтения». Ульяновск, 1998. Ч. 3. С. 5–11.
6. *Осорина М. В.* Секретный мир детей в пространстве взрослых. М. – Харьков – Минск, 2000. 288 с.
7. *Степанов Ю.* Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2004. 824 с.
8. *Чередникова М. П.* Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск: Лаборатория культурологии, 1995. 256 с.
9. *Татаринов А.* Пути новейшей прозы: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 248 с.

¹ Понятие цифровой культуры рассматривается в монографии М. И. Черняк [10].

10. Черняк М. Проза цифровой эпохи. М.: ФЛИНТА: Наука, 2019. 328 с.
11. Солдаткина Я. В. Литература в звуке, цвете и движении: историко-литературные основы медиасловности: учеб.-метод. пособие. М.: Директ-медиа, 2019. 265 с.
12. Хайруллин Р. З. О национальных картинах мира // Многонациональная российская литература: актуальные аспекты рецепции и интерпретации: моногр. / Д. В. Абашева, Т. М. Колядич, В. К. Сигов [и др.]. М.: Русайнс, 2019. С. 73–91.
13. Кузнецова Т. Картина мира // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 4 – Культурология. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Kuznetsova/> (дата обращения: 20.06.2020).
14. Владимирский В. Художественная литература на свалке. Спорная книга: Шамиль Идиатуллин. Бывшая Ленина. URL: <https://gorky.media/context/hudozhestvennaya-literatura-na-svalke/> (дата обращения: 18.07.2020).
15. Идиатуллин Ш. Город Брежнев. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 704 с.
16. Бурдина С. В., Шумилова О. А. Эволюция жанра школьной повести в русской литературе XX века // Вестн. Пермского ун-та. 2016. Вып. 2 (34). DOI: <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2016-2-128-134>.
17. Идиатуллин Ш. Бывшая Ленина. М.: АСТ, 2019. 442 с.
18. Сухих И. Структура и смысл: Теория литературы для всех. М.: Азбука: Азбука-Аттикус. 2016. 544 с.

REFERENCES

1. Gachev G. *Natsionalnye obrazy mira. Kurs lektsiy*. Moscow: Academia, 1998. 443 p.
2. Vezhbitskaya L. A. *Yazyk. Kultura. Poznanie*. Moscow: Russkie slovari, 1996. 416 p.
3. Lotman Yu. M. *Vnutri myslyashchikh mirov*. Moscow: Azbuka: Azbuka-Attikus, 2018. 448 p.
4. Kuznetsova T. F. *Kulturnaya kartina mira kak yadro tezaurusa v kontseptsii Vladimira Andreevicha Lukova. Informatsionnyy gumanitarnyy portal "Znanie. Ponimanie. Umenie"*. 2015, No. 3 (May–June), pp. 5–16. Available at: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/3/Kuznetsova_Cultural-World-View/ (accessed: 17.07.2020).
5. Osorina M. V. *O stratagemakh detskoj subkultury*. In: *Traditsionnaya kultura i mir detstva. Proceedings of international scientific conference "XI Vinogradovskie chteniya"*. Ulyanovsk, 1998. Part 3, pp. 5–11.
6. Osorina M. V. *Sekretnyy mir detey v prostranstve vzroslykh*. Moscow – Kharkov – Minsk, 2000. 288 p.
7. Stepanov Yu. *Konstanty. Slovar russkoj kultury*. Moscow: Yazyki russkoj kultury, 2004. 824 p.
8. Cherednikova M. P. *Sovremennaya russkaya detskaya mifologiya v kontekste faktov traditsionnoy kultury i detskoj psikhologii*. Ulyanovsk: Laboratoriya kulturologii, 1995. 256 p.
9. Tatarinov A. *Puti noveyshey prozy: uchebnoe posobie*. Moscow: FLINTA: Nauka, 2017. 248 p.
10. Chernyak M. *Proza tsifrovoy epokhi*. Moscow: FLINTA: Nauka, 2019. 328 p.
11. Soldatkina Ya. V. *Literatura v zvuke, tsvete i dvizhenii: istoriko-literaturnye osnovy mediaslovestnosti: ucheb.-metod. posobie*. Moscow: Direkt-media, 2019. 265 p.
12. Khayrullin R. Z. *O natsionalnykh kartinakh mira*. In: *Abasheva D. V., Kolyadich T. M., Sigov V. K. et al. Mnogonatsionalnaya rossiyskaya literatura: aktualnye aspekty retseptsii i interpretatsii: monogr.* Moscow: Rusayns, 2019. Pp. 73–91.
13. Kuznetsova T. *Kartina mira. Informatsionnyy gumanitarnyy portal "Znanie. Ponimanie. Umenie"*. 2008. No. 4 – Kulturologiya. Available at: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Kuznetsova/> (accessed: 20.06.2020).

14. Vladimirskiy V. Khudozhestvennaya literatura na svalke. Spornaya kniga: Shamil Idiatullin. Byvshaya Lenina. Available at: <https://gorky.media/context/hudozhestvennaya-literatura-na-svalke/> (accessed: 18.07.2020).
15. Idiatullin Sh. *Gorod Brezhnev*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2017. 704 p.
16. Burdina S. V., Shumilova O. A. Evolyutsiya zhanra shkolnoy povesti v russkoy literature XX veka. *Vestn. Permskogo un-ta*. 2016, Iss. 2 (34). DOI: <https://doi.org/10.17072/2037-6681-2016-2-128-134>.
17. Idiatullin Sh. *Byvshaya Lenina*. Moscow: AST, 2019. 442 p.
18. Sukhikh I. *Struktura i smysl: Teoriya literatury dlya vsekh*. Moscow: Azbuka: Azbuka-Attikus. 2016. 544 p.

Колядич Татьяна Михайловна, профессор кафедры русской литературы XX и XX вв., Московский педагогический университет

e-mail: kolyadich53@mail.ru, tm.kolyadich.mpgu.edu

Kolyadich Tatyana M., Professor, Russian literature of the XX century Department, Moscow Pedagogical State University

e-mail: kolyadich53@mail.ru, tm.kolyadich.mpgu.edu

Статья поступила в редакцию 24.07.2020

The article was received on 24.07.2020